

УДК 321.02

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-109-117

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Лаврикова А.А.

Тульский государственный университет

300012, г. Тула, пр-т Ленина, 92, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматривается значение социального капитала как компонента социокультурного контекста развития российского общества, определяющего базовые параметры национальной модели политического участия. Незавершенность процесса институционализации воспринимается россиянами как отсутствие порядка, что проявляется в ограниченном объеме социального капитала, основанного на генерализированном доверии. В результате возникают ощутимые барьеры для функционирования модели, предполагающей автономное неортодоксальное политическое участие в коллективных формах, и в целом для конструирования собственно политического в российских общественных практиках.

Ключевые слова: политическое участие, социальный капитал, социальное доверие, самоорганизация граждан

SOCIAL CAPITAL AS A FACTOR OF THE FORMATION OF THE POLITICAL PARTICIPATION MODEL IN THE RUSSIAN SOCIETY

A. Lavrikova

Tula State University

300012 Tula, Lenin avenue, 92, Russian Federation

Abstract. The article deals with the importance of the social capital as a component of the socio-cultural context of the development of the Russian society, which determines the basic parameters of the national model of political participation. The incompleteness of the institutionalization process is viewed by the Russians as an absence of order which manifests itself in the limited volume of the social capital based on generalized confidence. As a result there appeared some notable barriers to the model's functioning which presupposes an autonomous unorthodox political participation in the collective forms, and on the whole barriers to the construction of the political space in the Russian social practices.

Key words: political participation, strategies of political participation, social capital, social confidence, self-organization of citizens.

В современной западной и отечественной социально-политической литературе при анализе общественной, в том числе и политической, активности граждан достаточно часто применяется концепция социального капитала [2; 4; 6; 7; 9; 11;

14; 15; 19]. Вместе с тем ряд исследователей указывает, что достаточно типичной для стран на постсоветском пространстве, переживающих социально-политические трансформации, является ситуация, характеризующаяся незначительным объемом социального капитала в обществе (имеются в виду слабая самоорганизация общества, преимущественно телеологическое, а не инструментальное понимание демократии и недостаточно высокий индекс социального доверия). Например, Т. Николс среди особенностей развития России называет практически полное отсутствие социального капитала, отмечая, что «в этом дефиците заключается наиболее исчерпывающее объяснение ее проблем» [17]. А Р. Патнем, считает, что не только Россия, но и «почти все бывшие коммунистические страны имели слабые традиции гражданского общества до прихода коммунизма, а тоталитарное правление свело на нет даже этот ограниченный запас социального капитала» [19, р. 183]. Согласен с ним и Ф. Фукуяма, полагая, что многие посткоммунистические страны относятся к числу подлинно индивидуалистических обществ, «члены которых не умеют объединяться друг с другом» [14, с. 57].

Помимо столь радикального взгляда, среди ученых существуют и другие мнения. Так, Н. Ор, указывая на то обстоятельство, что главными формами существования социального капитала в России всегда были семейные, родственные и дружеские связи, а не общественные организации, отстаивает позицию сохранения социального капитала и в условиях советского режима, ведь взаимопомощь, взаимоподдержка являются прочной основой

существования и источником развития подобного рода отношений. И «те человеческие отношения, которые помогли людям выжить в условиях жесткой принудительной экономической и политической системы», помогли им преодолеть негативные последствия радикальных реформ 90-х гг. XX [19]. Подобной точки зрения придерживается и А.А. Аузан, указывающий на то, что «в 1970–1980 гг. в СССР были созданы огромные запасы социального капитала, были многочисленны элементы гражданского общества – от экономико-математической школы в МГУ до московских кухонь. Именно там производился социальный капитал» [1]. Однако с начала 1990-х гг. происходило его систематическое «разрушение», что было связано с резкой ломкой прежней (советской) системы ценностей, которые выступали в качестве основы консолидации обществ, а новая, цельная система ценностей так и не была сформирована. В результате распространение получили апатия, разочарование, нравственная дезориентация сознания и, как следствие, адаптационный индивидуализм, в котором высокий уровень автономии по отношению к социуму и его институтам сочетается с противопоставлением им собственных правил и норм. Сложившаяся ситуация позволила В.В. Петухову определить российский индивидуализм как «индивидуализм людей, столкнувшихся с тяжелыми проблемами выживания, поэтому он и не дает пока импульсов к различным формам гражданской и профессиональной консолидации и солидаризма» [10, с. 63], а «приращение» социального капитала осуществляется медленно. Кроме того, некото-

рые авторы ссылаются на результаты сравнительных исследований, согласно которым в Западной Европе есть государства (например, Франция), где индекс социального доверия (выступающий одним из базовых показателей социального капитала [См., напр., 6; 9; 16]) еще ниже, чем странах посткоммунистической трансформации.

На наш взгляд, для формирования конструктивной модели политического участия значение имеет не только уровень социального доверия, но и соотношение его типов (генерализованного, институционального, межличностного), а также характер зон солидаризации общественных групп, зависящих от вектора демонстрируемого доверия. Поэтому обратимся к анализу проблемы именно с этих позиций.

Результаты всероссийских мониторинговых исследований свидетельствуют, что в отношениях с посторонними/незнакомыми людьми россияне скорее демонстрируют осторожность, при этом показатели индекса генерализованного (обобщенного/анонимного) доверия уступают индексологическим значениям, характеризующим институциональное доверие (за исключением партий) (См. рис.), и значительно ниже аналогичных показателей в некоторых из европейских стран [См.: 5; 13]. И если Р. Далтон утверждал, что гражданину демократического государства свойственно определенное недоверие к политическим властям, но своим согражданам он доверяет [1], то в России мы наблюдаем несколько иную картину.

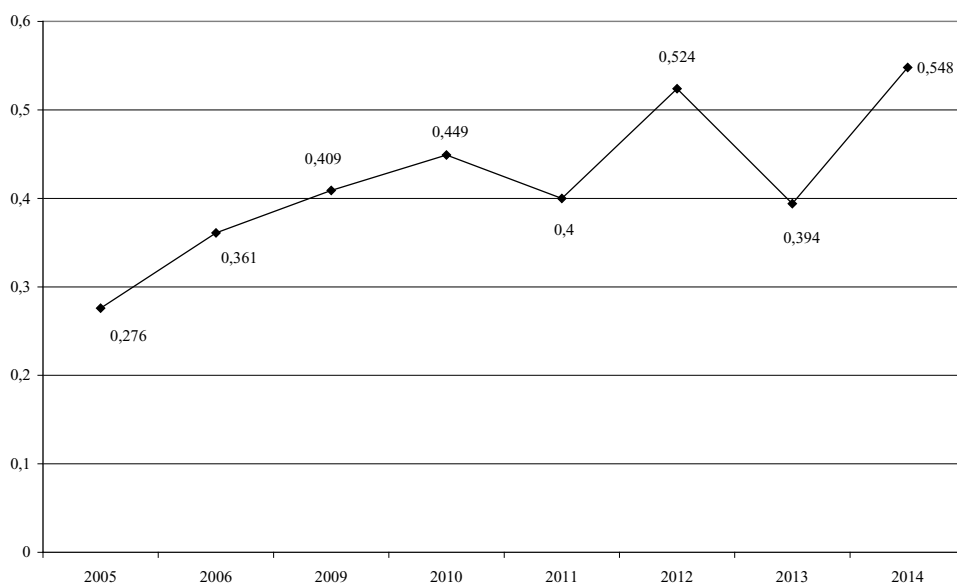

Рис. Динамика индекса генерализованного доверия в российском обществе, 2005–2014 гг. (Доля положительно ответивших на вопрос: «В целом Вы бы сказали, что людям можно доверять или что осторожность в отношениях с людьми никогда не мешает?»)

Вместе с тем согласно материалам мониторингового исследования **Центра социологических исследований РАНХиГС «Евробарометр в России»**, наметилась тенденция солидаризации российского общества. Люди стали существенно больше времени уделять общению друг с другом, их сеть контактов за последние два года существенно расширилась: количество «сильных связей» (т.е. тех, кому доверяют, у кого могут попросить в долг, с кем путешествуют) увеличилось с 4 близких человек в 2012 г. до 8 человек в 2014 г.; количество «слабых связей» (кого могут попросить об одолжении, с кем перезваниваются и переписыва-

ются не реже раза в месяц, у кого могут попросить о трудоустройстве или консультацию о поступлении ребенка в университет) за этот же период увеличилось в 1,5 раза – с 25 до 36 контактов [3].

Однако увеличение сети доверительных контактов не всегда свидетельствует о развитии доверия на социальном уровне, скорее это отражение динамики партикулярного/частного доверия (к друзьям, знакомым, соседям и т.д.), что способствует интеграции только на социальном уровне. Этот вывод (см. табл.) подтверждается данными всероссийских мониторинговых исследований [8].

Таблица

Динамика доверия в российском обществе: социальный уровень, 1994–2014 гг., %*

	1994	1995	1996	1997	2004	2007	2011	2012	2014
Только на самого себя	32	34	36	33	33	41	39	40	70
На своих родственников, друзей	53	56	54	59	60	54	56	54	60
На помощь предприятия, организации, где работаю (работал)	8	5	5	5	4	2	3	2	2
На помощь государства (органов социального обеспечения)	8	5	4	3	4	3	2	4	4
На помощь общественных организаций (профсоюз и т.п.)	2	<1	<1	1	<1	1	1	<1	1
На благотворительную помощь	1	1	<1	1	<1	1	1	1	1
На помощь церкви	1	2	1	1	2	2	<1	<1	<1
Затруднились ответить	3	2	3	2	1	1	1	1	1

* – от числа выбранных ответов на вопрос «На чью помощь в первую очередь вы рассчитываете в трудных жизненных ситуациях?».

И хотя уровень генерализованного доверия в российском обществе не является критически низким с точки зрения организации политической коммуникации, в условиях его дефицита возможности добровольной кооперации, сотрудничества в достиже-

нии любых общих целей оказываются весьма ограниченными, что создает ощутимые барьеры для функционирования модели, предполагающей автономное неортодоксальное политическое участие в коллективных формах, и в целом для конструирования соб-

ственно политического в российских общественных практиках.

При этом, исходя из данных все-российских исследований [12], в поле российской гражданской культуры выделяются устойчивые комбинации в отношениях доверия к различным политическим институтам (так называемые «грады»), которые детерминируют основания для выбора гражданами предпочтительных стратегий политического участия. Данные типы сочетаний с некоторой долей условности можно определить как «оппозиционный», «региональный» и «государственнический». Согласно результатам факторного анализа они имеют приблизительно равный вес, т.е. «отбирают» примерно одинаковую долю суммарной дисперсии рассматриваемых признаков (25, 23, и 21 % соответственно), что свидетельствует не столько о размере социального сегмента, представители которого придерживаются той или иной позиции, сколько о внутренней консолидированности группы и высокой степени доверия ее представителей избранным в качестве базовых институтам.

В рамках первого «града» сочетается доверие к политическим партиям, движениям и общественным организациям оппозиционного характера. Несмотря на малые размеры, он способен формировать устойчивые паттерны политических предпочтений граждан, четко ориентируя, каким структурам следует доверять, а каким нет. Второй «град» подразумевает комбинацию местных гражданских идентификаций, сфокусированных на региональных и местных органах власти. При этом наблюдается равнодушие по отношению к институтам более высокого порядка, с деятельностью

которых не связывается реализация собственных интересов, что позволяет относить данный тип к категории парохильных (по классификации Г. Алмонда и С. Вербы). Третий «град» образует сочетание доверия к российской армии, РПЦ и Президенту РФ, и он находится в противоречии по отношению к региональному (корреляция – 0,79), на некоторой дистанции от оппозиционного (корреляция 0,2) типов.

Таким образом, можно говорить о существовании трех силовых линий, по которым возможна солидаризация граждан в российском обществе, и между собой они различаются не только по вектору демонстрируемого институционального доверия, но и по предпочтениям в источниках политической информации (в первом случае приоритетная роль отведена интернет-ресурсам, в двух других – телевидению (региональному и федеральному соответственно), формами проявления интереса к политической жизни, направленностью политических действий и т.д., что находит отражение и в возможных стратегиях политического участия в рамках каждого «града»: в первом одинаково возможна ориентация на как на инновационный, так и реформистский (в меньшей степени, при резком изменении ситуации, на дезадапционно-агрессивный) типы поведенческих стратегий, второй представлен преимущественно носителями индифферентно-апатичного типа, а третий – стабилизирующего и конъюктурно-приспособительного, при доминировании последнего. При этом отсутствие точек пересечения между группами ведет к усилению сегментации общества в отношении моделей политического участия и, как след-

ствие, размыванию результативности вовлечения граждан в политический процесс, поддерживая скептицизм населения относительно собственной политической субъектности. А так как лояльность представителям властвующей элиты и их окружению выступает в современном российском обществе основой для идентификации «свои – чужие», носители инновационной, а в определенных случаях – и реформистской стратегий политического участия воспринимаются в массовом сознании как лиминальные сообщества, рассматриваемые в рамках дихотомии «нормальное»/«ненормальное» и нуждающиеся в применении методов дисциплинирования (М. Фуко), в том числе путем вытеснения на периферию политического пространства.

В создавшихся условиях кампании мобилизационного характера оказываются основным эффективным инструментом вовлечения рядовых граждан в политический процесс, а учитывая более высокие показатели персонального

(прежде всего, к В.В. Путину) и институционального (к исполнительным органам государственной власти и РПЦ) доверия, позиционирование данных политических субъектов как инициаторов такого рода проектов расширяет их мобилизационный потенциал в противовес инициативам, предлагаемым другими участниками политического процесса. При этом гипертрофированное локальное доверие не только не способствует формированию локальных политических сообществ, но и не стимулирует развитие политического участия на локальном уровне политической системы. В конечном итоге политическая сфера подменяется в российском контексте властным пространством, в рамках которого взаимодействие индивидов происходит на основе патерналистских ожиданий по неформальным правилам, а многие формы политического участия (даже ортодоксального характера), предполагающие самоорганизацию, оказываются невостребованными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество [Электронный ресурс] / ПОЛИТ.РУ [сайт]. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2005/01/11/auzan.html>. (дата обращения: 02.04.2017).
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 45-53.
3. В РАНХИГС вышло новое исследование «Евробарометр в России» [Электронный ресурс] / РАНХИГС [сайт]. URL: [HTTP://WWW.RANEP.RU/NEWS/ITEM/7388-EURO-BAROMETER.HTML](http://WWW.RANEP.RU/NEWS/ITEM/7388-EURO-BAROMETER.HTML). (дата обращения: 01.04.2017).
4. Кобелева Х.А. Проблема формирования социального капитала в современной России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 4. С. 75–77.
5. Козырева П.М., Смирнов А.И. О границах политического доверия // Власть. 2014. № 5. С. 5–10.
6. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 120–129.
7. Молокова М.А. Гражданское общество как фактор политической консолидации «снизу» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3 (28). С. 122–131.
8. Общественное мнение – 2014. М.: Левада-Центр, 2015. 234 с.

9. Патнэм Р. Прцветающие комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // *Мировая экономика и международные отношения*. 1995. № 4. С. 63–70.
10. Петухов В.В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 59–65.
11. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 5–16.
12. Современное состояние и перспективы развития гражданской культуры в российском обществе / Отв. ред. М. Ф. Черныш. М.: Российское общество социологов, 2015. С. 138–141.
13. Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России: итоговый отчет по проекту. М.: Фонд «Общественное мнение», 2014. 192 с.
14. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ. 2004. 730 с.
15. Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможности применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // *Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса*. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310–319.
16. Levi M. Social and Unsocial Capital: A Review Essay of Robert Putnam's «Making Democracy Work» // *Politics and Society*. 1996. Vol. 24, № 1. Pp. 45–55.
17. Nicols T. Russian Democracy and Social Capital // *Social Science Information*. Vol. 35, № 4. 1996. Pp. 631–664.
18. Ohr N. Social Capital in Rural Russia: Legacies of the Soviet Era // *The Kennan' Institute for Advanced Russian Studies*. Washington. 26–27 September. 1997. P. 1.
19. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1994. 360 p.

REFERENCES

1. Auzan A.A. Obshchestvennyi dogovor i grazhdanskoe obshchestvo [Elektronnyi resurs] / POLIT.RU [sait]. [The Social Contract and Civil Society [Electronic Source] / WATERED. RU [website]]. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2005/01/11/auzan.html>. (request date 02.04.2017)
2. Burd'e P. Formy kapitala [Forms of Capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. T. 3. no. 5. pp. 45–53.
3. V RANKHIGS vyshlo novoe issledovanie «Evrobarometr v Rossii» [Elektronnyi resurs] / RANKHIGS [sait]. [prUSSIAN Academy of National Economy has Released a New Study "Eurobarometer in Russia" [Electronic Source]. Russian Academy of National Economy [website]]. URL: <http://www.ranepa.ru/news/item/7388-euro-barometer.html>. (request date 01.04.2017)
4. Kobeleva KH.A. Problema formirovaniya sotsial'nogo kapitala v sovremennoi Rossii [The Problem of Forming Social Capital in Modern Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2015. no. 4. pp. 75–77.
5. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. O granitsakh politicheskogo doveriya [On the Boundaries of Political Trust]. *Vlast'*. 2014. no. 5. pp. 5–10.
6. Koulman Dzh. Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii [Coleman J. Capital of Social and Human]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2001. no. 3. pp. 120–129.
7. Molokova M.A. Grazhdanskoe obshchestvo kak faktor politicheskoi konsolidatsii «snizu» [Civil Society as a Factor for Political Consolidation "From the Bottom"]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2011. no. 3 (28). pp. 122–131.

8. Obshchestvennoe mnenie [Public opinion]. M., Levada-TSentr, 2015. 234 p.
9. Patnem R. Prosvetayushchie kom'yunit, sotsial'nyi kapital i obshchestvennaya zhizn' [The Prosperous Community, Social Capital and Public Life]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 1995. no. 4. pp. 63–70.
10. Petukhov V.V. Politicheskaya aktivnost' i grazhdanskaya samoorganizatsiya rossiyan [Political Activity and Civic Self-Organization of Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2002. no. 6. pp. 59–65.
11. Radaev V.V. Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya [The Concept of Capital, Forms of Capitals and their Conversion]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2003. no. 2. pp. 5–16.
12. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya grazhdanskoi kul'tury v rossiiskom obshchestve / Otv. red. M. F. Chernysh [Current State and Prospects of Development of Civic Culture in the Russian Society. Ed. edited by M. F. Chernysh] M., Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov, 2015. pp. 138–141.
13. Usloviya aktivizatsii grazhdanskogo uchastiya v malykh i srednikh gorodakh Rossii: itogovy otchet po projektu [Conditions for Activation of Civil Participation in Small and Medium-Sized Cities in Russia: Final Project Report]. M., Fond «Obshchestvennoe mnenie», 2014. 192 p.
14. Fukuyama F. Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu [Trust: the Social Virtues and the Path to Prosperity]. M., ACT, 2004. 730 p.
15. Yadov V.A. Sotsial'nyi resurs individov i grupp kak ikh kapital: vozmozhnosti primeneniya universal'noi metodologii issledovaniya real'nogo rassloeniya v rossiiskom obshchestve [A Social Resource for Individuals and Groups as their Capital: the Possibility of Applying a Universal Methodology of the Study of Real Stratification in the Russian Society] Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovnei sovremennogo transformatsionnogo protsesssa [Who and Where Aspires to Conduct Russia? Actors of Macro-, Mezo- and Microlevels of the Transformational Process]. M., MVSHSEN, 2001. pp. 310–319.
16. Levi M. Social and Unsocial Capital: A Review Essay of Robert Putnam's «Making Democracy Work». *Politics and Society*. 1996. Vol. 24, № 1. Pp. 45–55.
17. Nicols T. Russian Democracy and Social Capital // *Social Science Information*. Vol. 35, № 4. 1996. Pp. 631–664.
18. Ohr N. Social Capital in Rural Russia: Legacies of the Soviet Era. *The Kennan' Institute for Advanced Russian Studies*. Washington. 26–27 September. 1997. P. 1.
19. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1994. 360 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лаврикова Анастасия Александровна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета;
e-mail: elav@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lavrikova Anastasia A. – PhD of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Institute of Humanities and Social Sciences of Tula State University;
e-mail: elav@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лаврикова А.А. Социальный капитал как фактор формирования модели политического участия в российском обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 109–117.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-109-117

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Lavrikova. Social capital as a factor of the formation of the political participation model in the russian society. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 109–117.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-109-117